

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Возмездие

У входа в пропускник киностудии El Duelo кипел ажиотаж. Десятки журналистов с фотоаппаратами, диктофонами, камерами и прочей репортерской снастью караулили крупную добычу: кинозвезду Леа Велар и ее мужа Риккардо Муньоса. С самого своего возвращения в Испанию звездная пара избегала папарацци, и те были готовы съесть свои диктофоны, но не сдать.

В какой-то момент нервный гам вдруг усилился, будто повернули ручку динамика, и толпа ринулась к машине, подъехавшей к краю тротуара.

Ее дверцы с трудом раскрылись, придавив самых прытких, и из машины показалась бритая голова Муньоса. Чертыхаясь, он выбрался наружу и стал пробиваться сквозь лес диктофонов, которым вдруг оцетинился тротуар. Вслед за ним высунулась женская нога, и две трети диктофонов развернулись было к ней; но, наткнувшись на глянцево-черный нос ее хозяйки, разочарованно повернулись обратно.

Оставив неизвестную негритянку в покое, диктофоны ринулись за Муньосом. Морщась, тот попытался пробраться к пропускнику. На него сыпались вопросы — с четырех сторон одновременно, и временами даже сверху и снизу:

— Сеньор Муньос, как вы себя чувствуете?;

— Изменилась ли Испания за это время?..

— Что поддерживало вас в Африке?..

— Ваши любимые галстуки?..

— Сюжет нового фильма?..

— Где сеньора Леа?..

— Когда премьера?..

— Почему вы..

— Когда?;

— Где?;

— Что?;

— Хвааааааатиит!!!

Муньос трясся, как будильник. Ручка громкости тут же вернулась на два деления назад, и раскрытый рот Муньоса обрел голос:

— ; не все сразу! По очереди! Кто-то один! Вот давай ты! — ухватил он за сиськи ближайшую к нему девчонку-репортершу и подтащил к себе. — Давай! Давай свои вопросы,

только побыстрее!

— Сввввв… сво… сво…

— Что?!

— Сво… с возвращением вас, сеньор Муньос!

— Вот спасибо! Что еще?

— Что помогало вам на съемках?

— Тоска по родине. Я правильно отвечаю?

— Чем вы занимались в джунглях?

— Мастурбацией.

— Где сеньора Леа?

— Развлекается.

— Кто эта дама с вами?

— Это… это Аэла Равель, гример из Африки.

— Отношение сеньоры Леа к ней…

— Благоговейное!

— Почему сеньора Леа обнажается в ваших фильмах и никогда не позирует глянцевым журналам? Вы запрещаете…

— Нет. Просто ей не нравится.

— Уже пять лет, как вы вместе! Секрет вашей любви?

— Азарт. Желание выиграть поединок.

— Поединок?..

— Да. Всего хорошего! — Муньос незаметно подобрался ко входу и, пропустив вперед Аэлу Равель, сверкнувшую темными очками, захлопнул за собой дверь.

Пока рой репортеров возбужденно гудел, счастливая корреспондентка расправила помятый

бюст и сунулась в камеру:

— Только что вы смотрели эксклюзивное интервью, которое дал специально для телеканала Brillo сеньор Риккардо Муньос, режиссер культовых драм «Жаворонок», «Эра Эро» и «Сладкая смерть» с участием его супруги Леа Велар, секс-символа нового поколения. Героиня концепций Муньоса — современная женщина, показанная в шокирующей наготы души и тела. Напоминаю, что Риккардо и Леа с трехлетней дочерью Беатрис вернулись из Центральной Африки, где проходили съемки нового фильма «Возмездие». Оставайтесь с нами! Brillo всегда в курсе последних новостей в мире кино, моды и шоу-бизнеса…

В это же время Хулио Перро, звукорежиссер элитной студии Sinceridad, рассказывал Тонио Сементалю, промоушн-менеджеру:

— Таких ты еще не видел. Легкая, сисястая такая… Такая пусечка провинциальная, глазки потупила, мордочка как кремовый торт… Чуть-чуть похожа на эту, как ее… которая в «Сладкой смерти», — но рыженькая, кареглазая, и — как цветочек из теплицы! Даже трахать жалко.

— Ну так и не трахай! Отдай мне.

— О! Всенепременно!..

Хулио и Тонио превосходно устроились в этой жизни. Sinceridad была лазейкой в мир шоу-биза, и девушки, претендующие на звездный чин, должны были пройти через ее фильтр, устроенный до крайности просто. Каждая девушка, вне зависимости от ее возраста, умений и таланта, должна была переспать с Хулио и Тонио. Перед будущей звездой стоял только один выбор: отдаться им по очереди — или же одновременно. Большинство девочек выбирали второй вариант, дабы сократить свое блядство вдвое.

На толстых дырах Хулио и Тонио поизвивались в свое время почти все красотки мадридского шоу-биза, исключая тех, у кого хватило бабок миновать Sinceridad. Блондинки, брюнетки, шатенки, кудряшки, стриженные, высокие, миниатюрные, столичные штучки и провинциалки всех возрастов — от шестнадцати до тридцати с гаком — все отскакали свое на огромном сексодроме в спальне Хулио, где проходили посвящения в звезды. Квартира Хулио располагалась тут же, на верхнем этаже студии: это давало прекрасную возможность сочетать полезное с приятным. Хулио и Тонио ужинали в Botin*, ходили в оперу, обрюзгли, имели вид котов, утомленных жизнью, и считали себя успешными людьми. Особенно они любили неопытных, стеснительных девственниц. Контраст их чистоты и брезгливости с животной похотью, в которую их окунали в Sinceridad, щекотал сладким холодком пресыщенные нервы.

*Элитный ресторан в Мадриде. — прим. авт.

Девочка, о которой говорил Хулио, пришла вечером того же дня.

Галстучные, наодеколоненные сеньоры Перро и Сементаль были суровы и непреклонны, как истые профи… но эта игра стоила им целой пробирки тестотерона. Робкая девочка, возжелавшая звездной карьеры, как-то незаметно, ненароком вскипятила их кровь так, что не было никаких сил терпеть.

— Мне передали, чтобы я пришла сама, без менеджера, без… Я не знаю, я не разбираюсь во всех этих делах… но вы, наверное…

В ней было именно то, что они ценили больше всего: сочетание бархатной, нетронутой девичьей прелести — с щекочущей сексуальностью, набухшей под слоем привычного полудетского поведения.

— … В твоём возрасте пора во всем разбираться, Лючия! Ты ведь Лючия? Видишь, я помню твоё имя — а у нас знаешь сколько таких, как ты? Напрягись, Лючия, раз уж ты сюда пришла, и не будем терять даром время.

— Да-да, конечно, я постараюсь…

— Стараться дома будешь. А здесь просто помни, что тебе не десять и не пятнадцать. Сколько тебе?

— Восемнадцать… почти.

Её сексуальность била наповал тем более, что была естественной, как дыхание; она шла от природы — из глубины тела, распирающего узкое платье-тунику, из глубины карих глаз, блестящих сладким, умопомрачительным смущением…

— … Ну, девочка моя, в восемнадцать лет уже многие имеют детей! Надеюсь, ты знаешь, как делаются дети? Или ты и в этом «не разбираешься»?

— Эээ… — Лючия нервно рассмеялась, прикрыв лицо рукой. Её рыжеватые волосы, чуть подкрашенные, изобильно-пушистые, как у девушек Ренуара, растрепались по плечам и спине.

— Вээ! — передразнил её Тонио. — Ну ничего, сейчас все решим. Не может быть, чтобы такая красивая… тебе ведь говорили, что ты хороша собой, Лючия? Я говорю это как эстет, как поклонник чистой красоты… Ты красива — значит, ты уже взрослая, Лючия. И ты должна понимать, что…

Тонио втирал ей привычные очки, без которых не обходился ни один студийный трах — и думал про себя: «ну когда уже?»…»

Обычно он получал удовольствие от своей роли тайного паука, тянущего жертву в сети, — но теперь нетерпение портило ему всю игру. Наивная, дразняще-сексуальная Лючия будто говорила всем своим видом: «я невыносимо, невозможно привлекательна… но я не виновата в этом. Я даже не и подозреваю, как я действую на мужчин. Я не хочу этого, у меня само так получается…»

— Мы уделим тебе время, но… Таких, как ты… Никто не обязан делать тебе… Рынок… Перспективы… Спрос… Маркетинг… Мы послушаем твои песни, но… — бухтел ей Тонио. Лючия смотрела на него своим бархатным взглядом, — и вдруг в монолог вклинился Хулио:

— Ну, ну, приятель! Нам просто приятно смотреть на тебя, девочка моя. Так приятно, что мы, пожалуй, обсудим с тобой некоторые вопросы… Предлагаю сделать это за бокалом вина. Что скажешь, детка?

— Я… конечно! С удовольствием! Я так благодарна вам! — Лючия ослепила их улыбкой, от которой у них заскребло в яйцах.

— Ты забыл прослушать ее, — шепнул Тонио своему приятелю, поднимаясь вслед за ним по лестнице.

— А!… — махнул тот рукой. — … Проходи, проходи, Лючия, не стесняйся, чувствуй себя, как дома…

Спустя полчаса Лючия, красная от вина и от услышанного, сидела в ампирном кресле и смотрела прямо перед собой.

— … Как мы можем пойти тебе навстречу, если ты не хочешь сделать нам маленькое одолжение?

Ее лицо светилось таким фейерверком переживаний, что у Хулио и Тонио прямо-таки лопались штаны. Лючия была невозможно хороша в этот момент, и ее шок щекотал им кровь, как наркотик.

Решившись, она привстала и потянула с себя тунику. Было очевидно, что она впервые раздевалась на людях, — но это вышло у нее так скользяще-естественно, как не вышло бы у стриптизерши со стажем. Вишневая ткань сползла с тугого тела, оголив все его изгибы…

У Хулио и Тонио екнуло в потрохах. Гибкое, взрослое, матово-розовое от вина и от стыда тело Лючии трепетало под их взглядами, как живой луч. Голые груди, большие, вздыбленные кверху, целились в ценителей чистой красоты — одна в Хулио, другая в Тонио, — и светились сочной женской силой, от которой хотелось выть шакалом. Высвободив голову из туники, Лючия потрянула рыжей гривой — и осталась перед ценителями в одних черных, кружевных, полупрозрачных трусиках…

— Какое у тебя белье, Лючия! Твой мужчина любит сексуальное белье? У тебя есть мужчина?

— Нет… Извините… Я не… Извините… — Лючия вдруг дернулась и сунула голову обратно в платье. — Простите… — она наткнулась на кресло, чуть не упала, и, подхватившись, побежала к выходу, пытаясь одеться на ходу.

— Лючия! Стой! Лючия! — хором гаркнули два голоса, перебив друг друга.

Лючия застыла. Платье, задранное на бедрах, приоткрывало матовую кожу и черное кружево трусов…

— … Лючия! Во-первых, ты забыла свою сумку. Ты хочешь подарить ее нам?

Во-вторых… — Хулио взял вдвое громче, и Лючия, сделав два шага к сумке, остановилась. — **ВО-ВТОРЫХ!** Если ты не сделаешь то, о чем тебя просят… ты, кажется, нуждаешься в наших услугах? Наша студия помогает только послушным девочкам, Лючия! Ты поняла меня? Послушным девочкам, которые любят ласки опытных мужчин. Это правило выполняется всегда. **ВСЕГДА!** Ты поняла меня? Поняла или нет?

Пораженная Лючия смотрела на него.

— Поняла? Ты поняла меня или нет? Отвечай! Не слышу!..

Яйца давно кипели, как кофеварки, — и поэтому Хулио озвучил то, о чем никогда не говорилось прямо. Он надеялся на шок — и не прогадал.

— Дддда… — еле слышно отозвалась Лючия.

— Если поняла, — что надо сделать? А?

Лючия молча сняла платье.

— … И все?

Лючия смотрела какое-то время на Хулио. Затем стянула трусики, обнажив рыжий мохнатый пах.

— Ну! Это ведь совсем другое дело! — Хулио захрипел от предвкушения. — Подойди к нам, детка. Не бойся нас. Мы не сделаем больно. Подойди к нам. Подойди… — хрипло тянул он, и голая Лючия медленно подходила к нему, глядя в пол. — Ну вот… Славная такая… Нежная, славная девочка, зачем таких обижать? — пел Хулио, трогая матовый живот Лючии. — Ну, ну!… Я ведь только потрогал. Неужели неприятно? Ты такая чувственная, такая… ты должна отзываться… вооот… вот тааак… вооооот таааааак… — ворковал он, поглаживая ей бедро. Сзади подкрался Тонио — и окутал ее бок, спину и ягодицы истаивающими прикосновениями, невесомыми, как паутинка. Лючия задрожала, покрылась гусиной кожей… и закрыла глаза.

— Ну воооот… воооот… прияаяяятно девочке… ааааа…

— мурлыкал Хулио, пуская слюни. — Какая ты, Лючия!… Сладкая, сексуальная… Ты адски возбудила нас, — хрипел ей Хулио. — Тебе нравится возбуждать мужчин?

Превращать их в похотливых самцов? — пел он, тиская податливое тело.

Тонио лизнул ей сосок. Лючия выгнулась, пытаясь увернуться, — но Хулио сдавил губами другой сосок, и девушка обмякла под двумя языками, лижущими ее, как маленькие горячие жала. Они впивались ей в соски, вдавливали их в пружинящую плоть груди, вылизывали их по кругу — и тербили кончики, упругие, соленые, как орешки…

Внезапно Хулио дернул ее к себе. Лючия вскрикнула — и, не удержавшись, упала к нему на колени.

Нос ее ткнулся в Хулио, ноги сами собой раздвинулись — и, прежде чем она опомнилась, в губы ей впился жадный язык, а в распахнутый бутончик проникли чьи-то пальцы.

Лючия захлебнулась своей беспомощностью. Руки Хулио крепко удерживали ее за бедра, и язык пролизывал ей рот до самых мозгов; Тонио мял и массировал ей мокрые складки, сразу проникнув в самый заветный, самый щекотно-сладкий уголок, и доил другой рукой набухшую грудь…

Эта пытка длилась целую вечность. Лючия маялась, вилась, изгибалась всем телом, всхлипывала, хрипела, мычала, ныла все громче и надсадней — пока наконец не прогнулась, как умирающая, и не оторвалась от губ Хулио, глядя на него диким, потемневшим взглядом.

Грудь и плечи ее ходили ходуном: она хватала воздух и тонула в собственном хрипе. Две пары рук крепко держали ее за бедра, за грудь и за гениталии, брызжащие белой пеной.

— Ааааааааооо… — выдохнула она наконец, обмякнув, как резина. Ноги не слушались ее.

— Иди сюда… Кончила? Еще не то будет… Иди сюда… — хрипел Хулио, подтягивая Лючию к себе на диван. — Иди, детка! — не выдержав, он звучно шлепнул ее по заднице. Тонио подталкивал ее сзади, продолжая хлопать в ее складках.

— Оооууу… Я… на секунду выйти, — бормотала Лючия, с трудом шевеля губами. — Я… только на секунду… Мне… надо…

— Куда это ты?

— Я… ну… мне надо. В уборную.

— Ах, поспать?! — ухмыльнулся Хулио. — Так и скажи! Давай в темпе… а сумка зачем тебе?

— Ну… — Лючия умоляюще посмотрела на него, и Тонио сказал Хулио:

— А женские всякие дела? Столько девок отпендюрил — и такие вопросы задаешь, ты!… Не бойся, голышом не сбежит!

— Прокладочки-мазилочки? А, ну-ну! — они с Тонио загоготали. — Давай только поскорей, крошка, а то твои мальчики лопнут, пока ты писюнькаешь, моя сисястая!

Лючия, красная, как рак, прошла к дверям, натыкаясь на мебель — и исчезла за дверью.

— Ай да сучка! Аж поплохело. — Хулио и Тонио лихорадочно скидывали с себя тряпки.

— Ого! Не убей ее таким бревном! Лопнет девочка, кишочки выпустит — что будем делать?

— На себя посмотри, ты!…

— Войдет девочка обратно — удивится…

— Благодарить будет! Видал, как у нее дым из ушей?..

— Где ж она застряла, мать ее в рот? Я лопну!..

— Что-то долго она… По-большому ее пробило, что ли?

Вдруг из-за дверей послышался грохот.

Бряммммц!..

Затем еще: дзыннннь! Дзяннннь! И еще — бряммммц!… — и снова, и еще, и еще…

«Мальчики» переглянулись — и рванули к двери, размахивая каменными хуями:

— Эй! Лючия! Ты где? Лючия!..

В туалете ее не было. «Мальчики» выскочили в гостиную… и застыли, как вкопанные. Вся гостиная, сколько хватало глаз, была изрисована красной краской из баллончика. На стенах, обтянутых бесценными гобеленами, красовались фразы, самой приличной из которых была «Хулио и Тонио — хуи ходячие». Старинный паркет был залит лужами эмульсионки, в которых плавали осколки дрезденских сервизов XVIII века, китайских ваз и коллекционного хрусталя. Огромное зеркало было украшено четырьмя трещинами и красным улыбающимся хуем.

— Ыхххххххы… — из глотки Хулио рвался нечленораздельный хрип.

— Ыыыххххххыы…

Входная дверь была раскрыта. Хулио кинул на нее мутный взгляд — и ринулся вдогонку…

— Эй! Швейцара ненароком пришьешь своим дрыном!

Тонио ухмылялся. Несмотря на шок, его чрезвычайно радовало то, что все это произошло в квартире Хулио, а не в его собственной. Голый Хулио застыл в дверях:

— Швейцар… Он не выпустит… Надо останов… — и осекся: из окна послышался звук отъезжающей машины.

— С чего это не выпустит? Выпустит, как и всех прежних выпускал. Откуда ему знать, что…

— Но она же гол… Твоююю мааааать! У нее что, в сумке были другие тряпки? — хрипел Хулио, вытаращив глаза.

— А тебя только сейчас осенило?… Глянь-ка! Что это?

Тонио подошел к столику, на котором лежала записка.

— «Привет, мальчики», — стал читать он. — «Я отлично провела с вами время. Если я слишком разорила вас, сохраните мой автограф и мою тунику: лет через пять вы получите за них не менее штуки евро. Если поторговаться, конечно. Думаю, с этого дня правила Sinceridad изменятся. В противном случае видеозапись нашего randevu мгновенно засветится на телевидении. Мне жаль, что я оставила вас в неудовлетворенном виде — но, в конце концов, вы всегда можете воспользоваться для этой цели друг другом. Искренне ваша…»

— Сууууууукаааа!!! — взвыл Хулио. — Убьююююю!!! Какое телевидение?! Да я ее сам в тюрюгу…

— Не выйдет, Хулио, — осадил его приятель. — Ты слишком много наболтал.

— Дерьмо!!! Что я сказал?! Какая еще запись?! Где камера?..

— В сумке, Хулио, в сумке. Точнее, на сумке. Которая стояла в нашей комнате. Юэсби-камера, с флеш-памятью. Такие сумки стоят сорок евро…

— Черт! Черт! Черт! Черт! Черт! Чеееееееррррт!!!

— Не черт, а сука, — поправил его Тонио.

Получасом позже Риккардо Муньос встречал в дверях свою жену:

— О боги! Что это?

— Не знаю. Эмульсионка, наверно. Оооуу… Эти зверятки возбудили меня до визга.

— Доиграешься, — говорил Рикко, раздевая Леа. — Когда-нибудь твои зверятки тебя прикончат. Или я сам тебя прикончу. Что они делали с тобой?

— Оооу! Сосали мне грудь. Как телята. И еще терли там, где ты тоже любишь тереть…

— Они что, трахнули тебя?!

— Нууууу… Честно говоря, я оставила эту почетную обязанность тебе.

— Мне? Я должен трахнуть вот это? — рычал Муньос, стягивая с Леа трусы. — Вот эту рыжую-бесстыжую?… В какой-то краске, в какой-то слюне каких-то похотливых животных… Нееет, сначала я смою с тебя их слюни, — Рикко подхватил Леа на руки и впился в ее сосок.

— Ооооууууу… Ну не мучь, не мучь меня уже…

— Не мучить? А ты заслужила? — Рикко толкнул ее в постель и прыгнул сверху. — Вот тебе, вот, — урчал он, с силой вылизывая ей грудь. — Вот тебе! — ревел он, ввинчиваясь языком в горящие комочки.

— Тише, дочку разбудишь… Она ведь спит? Ааааа… Ну скорей уже, садист проклятый… Ааааааоооууу!!! Ну сколько можно уже?..

Но Рикко не выдержал сам — и уже вплывал в Леа, и скакал на ней, сразу провалившись до упора:

— Вот тебе! Вот тебе!…

— Ооооуууууу! Как хорошо… Еще!… Еще сильнее! — стонала и улыбалась Леа, двигаясь в такт ему.

— Рыжая-бесстыжая… Как тебе идет рыжая краска! Она смывается?

— Оооуу! Хочешь — покрашусь стойкой…

— Никаких стойких! Твои волосы — твой бренд. И вообще — до конца съемок…

— Не болтай! Ааааа! Давай еще, еще, ещееееееее… ну ты же можешь, можешь… Вот! ВООООООТ!!!… — Леа орала в долгожданной сладкой истерике, выгнувшись дугой на кровати, и вместе с ней орал Рикко. — Воооооооооо! Вооо! Ооо! Оооооооо… ну наконец-то! Бооооооооооооо, как хорошо. Кааааааааааа… Куда? — ухватила она Рикко за ягодицы. — Думаешь, одного раза мне хватит? Леа жадно обтягивала его член, мяла его в себе, сжимала и выкручивала, как тряпку, и Муньос был в этих сладких тисках:

— Ты что? Ты же из меня все соки…

— Аааааа! А кто меня убить грозился? Ну, ну… Ну давай же, набухай, набухай, расти, расти-расти-расти-расти… Расти, мой маленький неутомонный таран. Ооо! Ого! Ого! А теперь за работу! Вот тебе для вдохновения! — Леа прильнула губами к его рту — и они слились в единый стонущий, гнущийся, извивающийся, скачущий ком.… Когда все кончилось — Леа лежала без движения, раскинув руки и ноги, а Муньос

аккуратно вытирал грим с ее лица.

— Левая бровь чуть криво, — говорил он ей. — Но вообще Лолита вышла отменная, хоть новый римэйк снимай. А вот негритянка пока не очень. У них особая пластика, особый взгляд

— Но никто же не усомнился, — бормотала Леа, едва раскрывая губы. — Все поверили

— Бог не поверил, — сказал Муньос. — Тихо: снимаю линзы

— Бог — это ты? Дай сама, — Леа вытянулась по-кошачьи, оттянула веки и сложила две темно-карие линзы в коробочку. Глаза ее стали голубыми: Лолита-Лючия снова превратилась в Леа Велар.

— Бог — это Бог. Ты! Перед кем это ты изображала Лолиту?

— Не Лолиту, а Лючию. Я же тебе говорила; Помнишь Грасиэлу дель Солас? Крупную такую, высокую; которая в «Эре Эро»?..

— Я помню всех своих актеров.

— Ну вот; Сейчас она пробивается на MTV. Знаешь, какой ценой далось ей попрыгать на сцене? Позавчера она рассказала мне

Голая Леа говорила вполголоса, вытянувшись на кровати.

— Ты бандитка! — тихо хохотал Муньос. — Ты малолетняя хулиганка! Я отведу тебя в полицию

— Где ж малолетняя? Двадцать три

— Старушенция! А ведь и правда — уже пять лет

Они шептались еще какое-то время. Затем, как и обычно, шепот перешел в сопение, а сопение — в тишину.